

Шарль Перро
—
Красная Шапочка
Сказки

Москва

УДК 821.133.1-34
ББК 84(4Фра)-44
П27

Charles Perrault
LE PETIT CHAPERON ROUGE

Сказки в пересказе *Михаила Петровского*
и *Сергея Борова*

Примечания *Николая Андреева*

Иллюстрации Гюстава Доре, Альбрехта Дюрера,
Джона Джилберта, Уолтера Крейна, Джона Баттена,
Анри де Монто, Жюль-Мари Дезандре,
Клеман-Пьер Марилье.

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Перро, Шарль.

П27 Красная Шапочка : сказки / Шарль Перро ;
[пересказ М. Петровского, С. Борова ; примечания
Н. Андреева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-211131-0

В сборник вошли прозаические сказки Перро в неадаптированных переводах, изданных под редакцией Михаила Александровича Петровского. А также наиболее известные сказки его продолжателей и последователей — как образцы французской сказочной литературы XVII—XVIII веков.

УДК 821.133.1-34
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-211131-0

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

БИОГРАФИЯ

Один из величайших французских сказочников всех времён, Шарль Перро, родился 12 января 1628 года в Париже в многодетной семье судьи Парижского парламента Пьера Перро. Его матерью была богатая дворянка Пакетт Ле Клерк. Перро был младшим из шести детей (вместе с ним родился и брат-близнец Франсуа, умерший через шесть месяцев). Получал образование в университетском колледже Бовэ, который, однако, бросил, не доучившись. Купил лицензию адвоката, но вскоре оставил эту должность и устроился клерком к своему брату Клоду Перро, в будущем известному архитектору, одному из авторов восточного фасада Лувра.

Пользовался доверием Жана Кольбера, который в 1660-х годах во многом определял политику двора Людовика XIV в области искусств. По его протекции Перро в 1663 году был назначен секретарём вновь образованной Академии надписей и изящной словесности, а также получил должность контролёра сюринтендантства королевских строений. Однако в 1683 году, после смерти своего покровителя, Перро впал в немилость и потерял выплачивавшуюся ему

как литератору пенсию, а в 1695 году лишился и места секретаря.

Перро был довольно плодовитым литератором, но его художественные произведения, за исключением сказок, вскоре были забыты. В историю литературы он вошёл как главный идеолог движения «новых» в споре о древних и новых. Основные программные тексты Перро — поэма «Век Людовика Великого» (1687) и диалоги «Параллели между древними и новыми в вопросах искусства и наук», т. 1—4, 1688—1697. Перро считал, что искусство века Людовиков намного превзошло античное и должно развиваться и далее; представлению о неизменном идеале он противопоставил идею поступательного прогресса искусства, идущего рука об руку с прогрессом наук и ремёсел. Он отдавал предпочтение прозе перед поэзией и считал, что преемником античного эпоса является роман.

В 1697 году опубликовал сборник «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями». Эта книга широко прославила Перро за пределами литературного круга. Фактически Перро ввёл народную сказку в систему жанров «высокой» литературы.

Шарль Перро скончался 16 мая 1703 года в возрасте 75 лет в Париже. Похоронен на подземном кладбище «Катакомбы Парижа»¹.

---

¹ Шарль Перро не имел псевдонима и издавал сказки под именем своего девятнадцатилетнего сына Пьера Перро д'Аманкура. Он делал это, вероятно, чтобы сохранить свою литературную репутацию, так как сказки считались «низким» жанром.

**СКАЗКИ
МАТУШКИ ГУСЫНИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Благосклонный приём, оказанный публикой этим сказкам, появившимся в отдельности, подаёт известную надежду на то, что она хорошо примет их и теперь, когда они появляются объединённые в этом сборнике. Правда, некоторые лица, претендующие на серьёзность и достаточно проницательные, чтобы увидеть, что эти сказки написаны для развлечения, а содержание их не слишком глубоко, отнеслись к ним с пренебрежением; однако, к нашей радости, люди, обладающие хорошим вкусом, судили иначе.

Они с удовлетворением отметили, что эти безделушки, в сущности, не совсем безделушки; что они заключают в себе полезную мораль и что занимательная фабула, какой они наделены, была избрана лишь с целью довести их до сознания в наиболее приятной форме, одновременно интересной и поучительной. Казалось бы, всего этого достаточно, чтобы не бояться упрёков в том, что я забавляюсь пустыми выдумками. Но так как мне придётся иметь дело со множеством людей, которых нельзя убедить разумными доводами и на которых можно воздействовать лишь авторитетами или примерами

древних, — я не замедлю удовлетворить их и в этом отношении.

Милетские сказки, столь знаменитые у греков и улаждавшие Афины и Рим, носили такой же характер, как и сказки, собранные в этом томике. История Матроны Эфесской — того же типа, что и история Гризельды; и та и другая являются новеллами, то есть рассказами о событиях, которые могли бы иметь место в действительности и в которых нет ничего неправдоподобного. Рассказ о Психее, написанный Лукианом и Апулеем, является чистой фантазией, волшебной сказкой вроде «Ослиной Кожи». Недаром Апулей заставляет старуху рассказывать её молодой девушке, похищенной разбойниками, подобно тому, как и в наши дни гувернантки и бабушки постоянно рассказывают детям «Ослиную Кожу». Сказка о земледельце, который получил от Юпитера дар вызывать по своему произволу дождь и хорошую погоду и так плохо им воспользовался, что собрал лишь солому и ни одного зерна, ибо ни разу не попросил ни ветра, ни мороза, ни снега, ни другой непогоды, необходимой для того, чтобы злаки принесли плоды, — эта сказка, говорю я, близка по сюжету к сказке «Потешные желания»; разница лишь в том, что первая носит серьёзную, а вторая комическую окраску; однако обе они хотят сказать, что люди сами не знают, что им нужно, и что, если бы всё совершалось по их произволу, они были бы куда несчастнее, чем теперь, когда ими руководит провидение.

Мне кажется, что, имея перед глазами столь прекрасные образцы произведений мудрой и просвещённой Античности, никто не вправе делать мне ка-

кие-либо упрёки. Я утверждаю, что мои сказки даже более достойны того, чтобы их рассказывали, чем большинство античных, в частности история «Матроны Эфесской» и легенда о Психее, — если взглянуть на них с точки зрения морали, которая является основным моментом во всякого рода сказке и ради которой они и создаются. Вся мораль, которую можно извлечь из «Матроны Эфесской», сводится к тому, что самые недоброжелательные женщины кажутся нам зачастую особенно добродетельными, и что почти нет таких, которые были бы на самом деле безгрешными.

Всякий видит, что такая мораль очень плоха и может лишь испортить женщин дурным примером, внушив им, что, изменяя своему долгу, они лишь идут по проторенной дороге. Не такова мораль «Гризельды», которая имеет целью побудить женщин терпеливо сносить всякие выходки мужей и показать, что нет такого грубого или сумасбродного мужа, с которым верная жена не смогла бы сладить благодаря своему терпению.

Что касается морали, скрытой в легенде о Психее, которая сама по себе весьма занимательна и увлекательна, — я сравнил бы её с моралью «Ослиной Кожы», если бы она была мне вполне ясна; но до сих пор мне не удалось её разгадать. Я отлично знаю, что Психея символизирует душу, но мне неясно, что следует понимать под Амуром, влюблённым в Психею, то есть в душу; ещё того непонятнее, когда автор прибавляет, что Психея могла быть счастливой лишь до тех пор, пока не знала того, кем была любима, то есть Амура, и должна была стать несчастной с того момента, как его узнала. Это является для ме-

ня неразрешимой загадкой. Единственно, что можно сказать, — это, что сказание о Психее, как и большинство античных сказаний, было создано лишь для развлечения и не имело целью внушить высокую мораль, о которой отнюдь не заботились.

Не таковы были сказки, которые наши предки сочиняли для своих детей. Правда, они не наделили их таким изяществом и прелестью, какими греки и римляне украшали свои сказания, но они всегда заботились о том, чтобы сказки содержали хорошую мораль и были поучительны. В них постоянно торжествует добродетель и порок наказан. Все они имеют целью показать, каковы преимущества честности, терпения, предусмотрительности, усердия и послушания и какие беды постигают тех, которые уклоняются от этих добродетелей.

То перед нами фея, которая наделяет вежливо ответившую ей девушку свойством при всяком слове ронять из уст брильянт или жемчужину, а другую девушку, ответившую грубо, — свойством при каждом слове изрыгать лягушку или жабу. Или дети, которые, за то, что хорошо исполняли волю отца и матери, становятся знатными сеньорами, в то время как других, порочных и непослушных, постигают ужасные несчастья.

Как бы ни были причудливы и фантастичны различные эпизоды этих сказок — несомненно, все они возбуждают в детях желание походить на тех, которые достигают счастья, и вместе с тем боязнь навлечь на себя несчастья, какие постигают злых за их пороки. Разве не похвально поступали отцы и матери, когда они своих детей, ещё неспособных постигать чистые истины, лишённые прикрас, заставляли

полюбить эти истины и, если можно так выразиться, проглотить их, придав им форму занимательных рассказов, рассчитанных на слабости, свойственные их возрасту?

Трудно себе представить, с какой жадностью эти невинные души, ещё не утратившие природной чистоты, воспринимают скрытые в сказках поучения. Они грустны и подавлены, когда герой или героиня сказки — в беде, и вскрикивают от радости, когда приходит к ним счастье; подобным же образом, они скрепя сердце переносят благополучие злого или злой и приходят в восторг, видя, что те наконец получают заслуженную кару. Всё это — семена, которые западают в душу и сперва вызывают в ней лишь радость или печаль, но из которых не замедлят вырасти хорошие наклонности.

Я мог бы сделать мои сказки более занимательными, введя в них некоторые вольности, которыми авторы привыкли их оживлять; однако желание нравиться никогда не могло заставить меня нарушить усвоенное мной правило — не писать ничего такого, что могло бы оскорбить стыдливость и нарушить благопристойность. Вот мадригал, сочинённый одной очень умной молодой девушкой и написанный ею на заглавном листке «Ослиной Кожи», которую я ей послал:

Здесь об Ослиной Коже дан рассказ простой
С такой наивной чистотой,
Что он во мне восторг невинный
Зажёг, как в дни, когда, бывало, у камина
Мой детский ум пленяла няня сказкой той.
Черты сатиры нам она являет,

Но желчи нет следа и злобы никакой.
И всем отраду сказка доставляет.
Но потому ещё люблю её читать,
Что нас она смеяться заставляет,
А между тем её и мать
И духовник наш одобряет.

К МАДЕМУАЗЕЛЬ

Ваше высочество.

Вероятно, никто не найдёт странным, что ребёнку пришло в голову сочинить сказки, составляющие этот сборник; однако все удивятся, что у него хватило смелости вам их поднести. Однако, Мадемуазель, как бы ни был велик контраст между наивностью этих сказок и высокой просвещённостью вашего ума, тот, кто всмотрится в них хорошенько, увидит, что я далеко не так достоин порицания, как может показаться на первый взгляд. Все они содержат весьма разумную мораль, которая выступает более или менее явственно в зависимости от степени проницательности читателя. Но так как ничто не характеризует в такой мере широту ума, как способность интересоваться самыми высокими предметами и наряду с этим нисходить до мелочей, — то никого не удивит, что та же самая принцесса, которой природные дарования и воспитание сделали доступным всё, что есть в мире возвышенного, с удовольствием прочтёт и подобного рода безделушки. Правда, эти сказки дают картину того, что происходит в заурядных семьях, где похвальное желание поскорее обучить детей заставляет родителей выдумывать истории, лишённые всякого смысла, чтобы удовлетворить за-

просы детей, ещё не обладающих здравым смыслом. Но кому, как не лицам, которых небо предназначило управлять народами, подобает знать, как живут эти последние? Желание приобрести эти познания побуждало иной раз героев, и даже героев из вашего рода, посещать лачуги и хижины, с тем чтобы увидеть собственными глазами характерные черты народного быта; приобрести эти познания показалось им необходимым для завершения своего образования. Как бы то ни было, Мадемуазель,

Имею честь пребывать,
Мадемуазель,
вашего королевского высочества
смирнейшим и покорнейшим слугой.

П. Дарманкур

